

Жорес МЕДВЕДЕВ

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

ГЛАВА 2
СМЕРТЬ СТАЛИНА*

ПЕРВАЯ КНИГА

Весной 1958 года я начал писать свою первую книгу «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза». Понятие «онтогенез», сейчас мало применяемое, объединяет процессы развития и старения. В 1956 году после поездки в Англию Хрущёва и Булганина, взявшими с собой срочно рассекреченного академика Игоря Курчатова, удивившего британских учёных докладом о разработках в СССР проблем термоядерной энергии, были значительно облегчены условия переписки советских учёных с иностранными коллегами и обмен результатами научных работ. До этого любые письма или оттиски публикаций, посылаемые коллегам из «капиталистических» стран, нужно было в открытом виде сдавать в так называемые «спецотделы», где они подвергались цензуре и поступали на почту с особыми «разрешительными» формами. Письмо, например в США, отправленное не «по официальным каналам», а брошенное в почтовый ящик, обычно не доходило до адресата. С осени 1956-го я неожиданно стал получать письма из-за границы. Чаще всего это были стандартные запросы с просьбой прислать отпечаток той или иной публикации. Во всём мире учёные разных стран ведут активный обмен отпечатками публикаций своих работ: этой традиции, наверное, больше 150 лет. Для советских учёных запреты на зарубежную переписку стали вводить в 1936 году. Я быстро воспользовался новыми свободами и начал обширную корреспонденцию с коллегами. По интересующим меня проблемам я мог теперь получать оттиски публикаций, вместо того чтобы делать конспекты в библиотеке.

В раскрытии механизма синтеза белков к началу 1958 года было сделано много открытий. Была идентифицирована «информационная РНК», воспроизводившая структуру отдельных участков ДНК. Синтез любых белков происходил, как оказалось, на поверхности рибосом в цитоплазме с помощью ещё двух форм РНК — транспортной и рибосомальной. Информация гена каким-то образом передавалась в этой

системе. Возникла теория — «один ген контролирует синтез одного белка», быстро ставшая доминирующей. Работа над книгой давала возможность обобщения всего этого нового материала и использования его для понимания молекулярных механизмов старения клеток и тканей. «Мичуринская биология» стояла в стороне от этих исследований и была совершенно беспомощной в объяснении механизмов наследственности. Некоторые ведущие биохимики-академики — А. И. Опарин, Н. М. Сисакян, А. В. Палладин — по-прежнему отрицали возможную роль ДНК в явлениях наследственности и вообще существование «генов» в форме молекул. Другие — академик А. Н. Белозёрский, С. Е. Северин, А. Е. Браунштейн — рассматривали взаимодействие между ДНК, РНК и синтезом белков как чисто биохимическую проблему, не имеющую отношения к генетике. В СССР в 1958–1959 годах не появилось ни одной обзорной работы или книги, которые можно было бы отнести к «биохимической генетике» или к «молекулярной биологии». Термин «ген» был исключён из научного оборота. Не было и учебников генетики.

Поток новой информации в области биосинтеза белка был в 1958 году столь широким, что, завершив к концу года первый вариант книги, я видел, что он уже устаревает и требует переделки. Я начал весь текст заново. Закончив в конце 1959-го третий вариант книги, я понял, что она получилась. Мне казалось, что эта книга путём обзора и анализа современного состояния проблемы обеспечит оживлённую дискуссию и объединит концепции биохимии, генетики, цитологии и биохимии с анализом проблем развития и старения. Я не вёл полемики с «мичуринской» биологией, её просто не было в тексте моих глав. Я был бы рад полизировать с Лысенко, но это было запрещено цензурой. За несколько лет до того «Ботанический журнал», издававшийся в Ленинграде, открыл полемику с Лысенко по проблемам эволюционного учения и видообразования. Однако в декабре 1958 года на заседании пленума ЦК КПСС Хрущёв сделал резкое заявление по поводу этой полемики. Редколлегия «Ботанического журнала» была немедленно смещена и заменена новой — «мичуринской».

Рукопись книги (тогда я писал всё от

руки на больших листах бумаги) мне перепечатала профессиональная машинистка. Получилось почти 600 страниц. Их сопровождали более 50 рисунков и графиков. Список литературы включал около 2000 публикаций. Только после этого я стал думать об издательстве.

В прошлом в России и в СССР, до 1935 года, было много разнообразных многопрофильных издательств. Но затем начались слияния и специализация, что облегчало проблемы цензуры. Цензоры Главлита работали теперь непосредственно в издательствах, но общались лишь с главным редактором и его заместителями. Все специализированные издательства были к 1959 году не самостоятельными учреждениями, а находились в подчинении разных министерств и ведомств. Издательское дело потеряло коммерческую основу и стало одной из форм финансируемой госбюджетом деятельности министерств и ведомств. Благодаря этому цены на книги были очень низкими. Профиль издательства был ясен из их названий: «Госполитиздат», «Издательство художественной литературы», «Сельхозгиз», «Учпедгиз», «Детгиз» и т. д. Во всём Советском Союзе было лишь три издательства, в которые можно было отдать рукопись по теоретической биологии: издательство Академии наук СССР, издательство «Высшая школа» и Государственное издательство медицинской литературы.

Я, естественно, выбрал академическое, которое публиковало преимущественно научные монографии. В небольшом старинном особняке в Подсосенском переулке в неопикуемой тесноте размещалось самое большое в СССР научное издательство. Немалое число сотрудников работало за своими столами не только в коридорах, но и на лестнице. В редакции по биологии мне сразу отказали, не взяв рукопись для рассмотрения. Оказалось, что это издательство просто не принимает рукописей от авторов, которые не работают в системе Академии наук. Весь годовой лимит бумаги распределялся по отделениям академии, а затем по отдельным институтам. Издательство принимало лишь рукописи от институтов, одобренные их учёными советами, а не от авторов. Вторым издательством, куда я отправился через несколько дней, была «Высшая школа». По ведомственной принадлежности наша сельскохозяйственная

*Продолжение. Начало см.: Родина. 2011. № 1, 5.

Заведующий кафедрой В. М. Клечковский и его сотрудники.

академия входила в систему Министерства высшего образования. Поэтому мою книгу должны были принять хотя бы для рецензирования. У меня было уже письмо в издательство от ректора академии профессора Г. М. Лозы. Лоза и при Немчинове, и при Столетове был заместителем ректора по научной работе, и я был хорошо знаком с ним ещё с 1944 года.

Дирекция издательства «Высшая школа» размещалась в небольшом коридорчике инженерно-экономического учебного института, а его редакции по различным отраслям науки нашли приют в здании бывшей церкви в районе Красной Пресни. Одну из комнат там занимала редакция биологической литературы и её сотрудники, около 15 человек. Некоторые из них читали рукописи, другие что-то печатали или объяснялись с авторами. В углу сидела за письменным столом заведующая редакцией Ольга Григорьевна Гольцман. Она приняла меня очень приветливо. Две недавно изданные книги по проблемам старения были быстро проданы. Белки и нуклеиновые кислоты входили в моду. Просмотрев оглавление, Гольцман сразу согласилась принять книгу и попросила привезти ещё один экземпляр. Каждая книга требовала двух рецензентов. Автору имена их не сообщались. Однако имя одного из рецензентов я узнал очень быстро, так как он сам написал мне письмо. Это был профессор Харьковского университета Владимир Николаевич Никитин, ученик А. В. Нагорного. Мы были с ним знакомы, я два раза принимал участие в семинарах по старению в Харьковском университете. Никитин был серьёзным учёным, биохимиком и физиологом. Я вполне доверял его

объективности. Он вскоре прислал краткий весьма положительный, но предварительный отзыв, который был необходим не для издания, а для включения книги в план издательства на 1961 год.

Второй рецензент долго был мне неизвестен. Но где-то в марте 1960 года знакомый биохимик из Московского университета рассказал мне, что видел рукопись моей книги на столе заведующего кафедрой генетики МГУ Всеволода Николаевича Столетова (1907–1989). Эта новость меня сильно огорчила. Столетова я также знал достаточно хорошо, так как в августе 1948 года он был назначен ректором ТСХА и проводил здесь «чистку» от менделистов-морганистов. Столетов был главным комиссаром Лысенко, и в 1950 году, ещё при Сталине, его назначили министром высшего образования СССР. В 1959 году его несколько «понижили», переведя на пост министра высшего и среднего специального образования РСФСР. Кафедрой генетики в МГУ он руководил «по совместительству». Столетов занимал много других влиятельных постов одновременно: он был заместителем председателя ВАК, был членом комитета по Ленинским премиям, членом учёных советов многих институтов, даже института биохимии АН СССР. По узкой специальности он был растениемоводом и автором нескольких публикаций по переделке озимых пшениц в яровые условиями среды, то есть яровизацией. В биохимии он не разбирался и дать квалифицированный отзыв на мою книгу не мог. Но для издательства требовалось в данном случае одобрение, а не отзыв.

Столетов, имея столько высоких должностей, просто не имел времени, чтобы читать толстую рукопись по биохимии. Но ему принадлежало право «вето». Таков был механизм монополии Лысенко. В 1958 году, благодаря политике большей кооперации с мировой наукой, Советский Союз послал делегацию отечественных генетиков на международный конгресс по генетике в Канаде. В состав делегации были включены только «мичуриинцы», и именно Столетов был её руководителем. От СССР не оказалось ни одного экспоната для выставки достижений генетики. Все доклады советских учёных были сгруппированы лишь на секции прививочных гибридов и производили довольно жалкое впечатление. Может быть, эта поездка в Канаду научила чему-то и Столетова?

Труд «внутреннего рецензента» издательства достаточно хорошо оплачивался. Сроки рецензирования зависели от объёмов рукописи. В моём случае это составляло три–четыре месяца. Одной предварительной рецензии Никитина было достаточно для включения книги в план издательства: об этом я был извещён письмом главного редактора П. Иванова от 23 марта 1960 года. Тематический план издательства «Высшая школа», довольно толстая книга анонсов, рассылался по всей стране книжным магазинам, библиотекам, вузам и научным учреждениям. В этом плане одна страница была посвящена и моей книге. Аннотация книги была очень тёплой «...Громадный фактический материал, приведённый автором и актуальность книги несомненно привлекут к ней внимание широкого круга читателей...»

Тираж издания определялся в 10 тысяч экземпляров. Выход книги в свет намечался на последний квартал 1961 года. По тематическому плану начали поступать заказы. По общему числу заказов обычно уточнялся и тираж. К декабрю 1960-го я узнал, что число предварительных заказов на мою книгу только от Книготорга превысило 10 000. «Международная книга» заказала 600 экземпляров для продажи за границей: их должны были печатать отдельно на лучшей бумаге, с суперобложкой и без указания цены.

В декабре 1960 года прибыл развёрнутый отзыв Никитина. К этому времени у меня был уже готов новый, четвёртый дополненный, вариант рукописи. Никитину для рецензии на 13 страницах потребовалось 13 месяцев. Рецензия давала книге очень высокую оценку и рекомендовала её к безусловному изданию. Однако, касаясь центральной в книге главы о биохимических основах наследственности, связывавшей проблему биосинтеза белков с проблемами развития и старения, Ники-

тин осторожно писал: «...Автор излагает проблему наследственности несколько односторонне, приводя в своей главе фактический и теоретический материал только одного, противоположного мичуринскому, направления... Поэтому я считаю целесообразным рекомендовать автору несколько переработать эту главу, сделав её более объективной, путём включения в неё материалов и положений других направлений генетики...»

Это был почти «смертный приговор» для книги, так как перерабатывать главу о наследственности я не мог. Но от издательства, вопреки моим ожиданиям, такой рекомендации и не последовало. Гольцман ждала вторую рецензию, так как по данной проблеме мнение Столетова было решающим. Но торопить министра издательства не решалось. Между тем критическая дата уже приближалась. Чтобы успеть с книгой к последнему кварталу 1961 года, нужно было заключать договор и сдавать рукопись в набор. Меня также защищал и закон: в СССР действовал кодекс по авторскому праву, который обязывал издательство уплатить автору 60 процентов гонорара, если рукопись пролежала в редакции два года без решения об издании или без «мотивированного и обоснованного отказа». Этот гонорар считался компенсацией автору. Случаи получения таких компенсаций существовали. Но юристконсульт издательства тоже не дремал. Незадолго до истечения двухлетнего срока моего первого визита в издательство курьер доставил мне прямо в лабораторию один экземпляр рукописи и письмо, подписанное и. о. директора В. Дубровской: «Уважаемый Жорес Александрович!

Издательство «Высшая школа» возвращает Вам рукопись «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза», так как издательство в настоящее время не имеет возможности опубликовать труды монографического характера, ввиду перегрузки плана учебной литературой».

Второй экземпляр рукописи с рисунками так и остался у Столетова...

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В САН-ФРАНЦИСКО

В конце марта 1960 года я получил письмо из Калифорнии в служебном конверте Международной ассоциации геронтологии. Я привожу его здесь с сокращениями в переводе с английского:

«Д-ру Ж. А. Медведеву
Кафедра агрохимии и биохимии
Тимирязевская сельскохозяйственная академия

Москва, СССР Март 22, 1960
Уважаемый доктор Медведев,

Как президент Пятого международного конгресса по геронтологии, я имею удовольствие и привилегию направить Вам это официальное приглашение участвовать в конгрессе, который состоится в августе текущего года в Сан-Франциско. Мы все уверены, что Ваше участие будет способствовать успехам геронтологии, благодаря взаимному обмену опытом и знаниями... Через несколько дней я вышлю Вам предварительную программу и регистрационные формы...

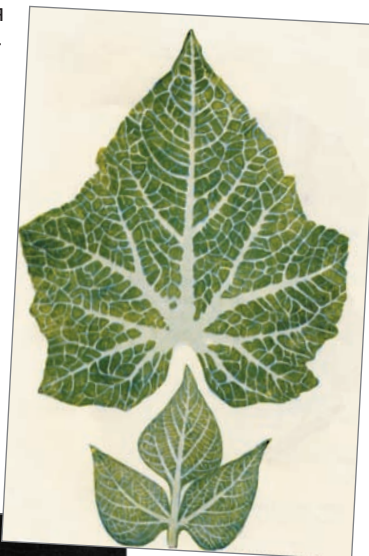
Искренне Ваш

Луис Каплан, президент Международной ассоциации геронтологии».

Это письмо меня очень удивило. После моих двух теоретических статей по молекулярным проблемам старения в 1952 и 1953 годах я никаких исследований в этой области не публиковал, хотя выступал с докладами на семинарах в Харькове и в Киеве и на заседаниях секции геронтологии Московского общества испытателей природы (МОИП). Последний такой доклад «Теоретические проблемы молекулярного уровня старения» я сделал на конференции МОИП по проблемам долголетия 31 января — 2 февраля 1959 года, но труды этой конференции ещё не были опубликованы. Через несколько дней я получил ещё одно письмо — от президента Американского геронтологического общества

Натуральный вид отпечатков листьев огурца (сверху) и фасоли (снизу).

Радиоавтограф фасоли через восемь часов после внесения в сосуды S^{35} -метионина.

Натана Шока, которое сделало понятным неожиданное приглашение. Шок стал президентом общества только в 1960 году: этот пост в США обновляется каждый год. Он был директором геронтологического центра в Балтиморе и автором обстоятельных библиографических справочников по геронтологии, в которые включались публикации по старению из всех стран. Я уже несколько лет вёл с Шоком переписку и обмен оттисками. В первом томе капитального библиографического справочника по геронтологии и гериатрии, объединившего все публикации в этой области в 1949–1955 годах, который автор прислал мне в 1959-м, были упомянуты три моих работы. В области молекулярной геронтологии в США в то время не было никаких исследований. Письмо Шока, датированное 1 апреля, предполагало, что я мог бы участвовать в работе секций «Клеточные структуры» и «Клеточная физиология». Кроме того, Шок сообщал, что особый грант Геронтологического общества «позволяет нам оплатить Ваш проезд самолётом

до Сан-Франциско и обратно». К этому времени я уже получил пакет с материалами конгресса, программы и темы сессий и симпозиумов, регистрационные формы и четыре чистых бланка для реферата. Текст реферата, не более 600 слов, должен был быть впечатан на английском в особый квадрат для прямой репродукции. Крайним сроком для этого было 1

мая. С учётом скорости авиапочты у меня для этого были лишь две недели.

Между тем оформление зарубежных поездок с 1957 года нисколько не упростилось. По-прежнему нужно было решение множества инстанций, дирекции моей академии, Министерства высшего образования СССР, МИДа (для визы в уже имевшийся и хранившийся у них паспорт) и «выездной комиссии» ЦК КПСС. Я вскоре узнал, что приглашения для участия в этом конгрессе, но без грантов получили ещё в январе несколько сотрудников Института геронтологии в Киеве и его директор Дмитрий Фёдорович Чеботарёв. Они оформляли своё участие через Академию медицинских наук и Министерство здравоохранения.

Ещё несколько дней спустя я получил письмо от организатора работы секции

по клеточной физиологии Бернарда Стрелера. Со Стрелером у меня также была переписка, начавшаяся в 1959 году, после публикации его теоретической статьи о сходстве нормального и радиационного старения. Стрелер просил прислать реферат моего возможного доклада срочно к 10 мая, так как для публикации всего сборника тезисов требовалось не меньше двух месяцев. Ему также хотелось подготовить дискуссию.

Кафедрой агрохимии и биохимии в 1960 году заведовал В. М. Ключковский, сменивший умершего от инфаркта А. Г. Шестакова. Ключковский сразу поддержал мой план поездки на геронтологический конгресс и направил представление о целесообразности поездки Лозе. Из ректората представление ушло в международный отдел Министерства высшего и среднего образования СССР. Здесь оно быстро обросло всеми нужными резолюциями, включая министра профессора В. П. Елютина. Министр был по специальности металлург и не разбирался в биологии. В ТСХА поступило указание готовить на Медведева «выездное дело». В Министерстве здравоохранения такие же действия проводились в отношении киевских геронтологов, среди которых был мой хороший знакомый Владимир Вениаминович Фроликис. Директор института Чеботарёв и его заместитель профессор П. Д. Марчук оформляли поездку как командировку, остальные члены делегации ехали как «туристы», за собственный счёт. Меня тоже включили в состав делегации, чтобы я ехал вместе с группой.

Подготовив четыре экземпляра реферата «Старение на молекулярном уровне» и формы регистрации, я поехал на Главпочтамт, чтобы отправить эти бумаги заказным экспресс-авиаписьмом с уведомлением о вручении. Это стоило тогда 5 или 6 рублей.

«Что это у вас?» — неожиданно спросила меня сотрудница почтамта, сидевшая за окном под вывеской «Международная корреспонденция». При этом она сначала посмотрела на обратный адрес. Мой большой конверт был уже заклеен. Я объяснил. «Материалы для публикаций мы принимаем только от учреждений и с формой 103а», — сказала дама в окошке, возвращая мне конверт. И сдавать его на почту следует незапечатанным... Частным лицам пересылка машинописных текстов за границу запрещена».

Вернувшись в академию, я пошёл в канцелярию, ведавшую служебной корреспонденцией. Здесь мне объяснили необходимую процедуру. Для отправки за границу любых материалов для публикации нужно было сначала подготовить

акт об отсутствии в рукописи сведений секретного характера. Этот акт подписывают три эксперта. Рукопись должна быть одобрена учёным советом факультета, дирекцией академии и сдана в иностранный отдел министерства для получения визы Главлита, то есть цензуры. Только после всех этих процедур готовится для почты «форма 103а», подписываемая директором академии и заверенная гербовой печатью. Форма эта готовится в трёх экземплярах, два остаются на почте, а один, заверенный почтой, отдаётся отправителю вместо квитанции. При этом все материалы, отправляемые за границу, представляются с заверенным дирекцией переводом на русский язык, работники Главлита не проверяют иностранные тексты. Но до 10 мая оставались лишь две недели. Ближайшее заседание учёного совета факультета ожидалось через десять дней.

Я поехал на международный почтамт возле Ленинградского вокзала, чтобы ознакомиться с почтовым кодексом СССР. Работа почты тоже регулируется законодательством. Я решил отправить мой реферат Стрелеру не в отпечатанном на бланке конгресса виде, а просто в форме рукописного письма, чтобы уже он, отредактировав мой текст на более совершенный английский, вставил его в нужные формы. 600 слов — это займёт у моего коллеги не более часа. Своё согласие на участие в конгрессе я также решил послать Каплану и Шоку не в форме заполненных анкет по почте, а международными телеграммами на английском с Главным телеграфом на улице Горького. Этот телеграф работал круглосуточно. Я приехал туда в четыре часа утра и был там единственным клиентом. Телеграммы-молнии должны были по правилам отправляться сразу. Они были получены в тот же день.

Весь почтовый кодекс СССР был документом «для служебного пользования». Мне дали для ознакомления лишь книжку «Почтовые правила». В этих «правилах» был один параграф, в котором говорилось, что к пересылке по почте за границу запрещаются рукописи, «содержащие государственную или военную тайну и могущие нанести СССР политический или экономический ущерб». Определение такой возможности возлагалось на Главлит. Цензура всех рукописей была, следовательно, правилом. Моё письмо Стрелеру в обычном международном авиаконверте было принято как заказное, без проблем. Оно весило меньше 20 граммов. На всякий случай я послал дубликат, опустив его в почтовый ящик. Текст реферата был частью личного письма. Стрелер в Балтиморе получил оба письма за 6 или 7 дней. Я начал готовить текст доклада.

Это был первый текст научной статьи на английском, которую я готовил сам. Работа шла медленно, каждую фразу я сверял по построению с текстами из британского «Biochemical Journal» или «Nature».

Подготовка «выездного дела» между тем шла своим чередом. В него включались подробная автобиография, копии брачного свидетельства и копии метрических свидетельств на детей, справки о здоровье и характеристика, которая утверждалась не только парткомом ТСХА, но и бюро райкома КПСС. В ЦК КПСС это «дело» шло через международный отдел министерства. В конце мая мне сообщили, что Елютин подписал приказ о командировке Медведева в США сроком на две недели. Однако Ключковский объяснил мне, что главным является решение «выездной комиссии» при ЦК КПСС, которую по-прежнему возглавлял М. А. Сулов. Только члены этой комиссии могли ознакомиться с моим «досье» в КГБ. То, что такое досье есть в КГБ на всех сотрудников кафедры, ни у меня, ни у Ключковского не было сомнений. Одного из осведомителей на кафедре мы знали. Это был ассистент Б., который в 1958–1959 годах получил «по обмену» возможность в течение года поработать в Англии на знаменитой Ротамстедской сельскохозяйственной опытной станции. В то время была обычной практика вербовать для сотрудничества с КГБ именно в связи с длительными зарубежными командировками. В июле 1959 года в Москве, в Сокольниках, открылась почти на полгода Американская выставка с множеством интересных павильонов. Это была именно та выставка, на которой вице-президент США Ричард Никсон и Хрущёв вступили в день её открытия, 24 июля, в историческую полемику на кухне типичного американского домика. Выставка имела необычайный успех и была всё время переполнена толпами людей. Многочисленные гиды вели очень активную пропаганду «американского образа жизни». Для наблюдения за советско-американскими контактами у КГБ явно не хватало агентов со знанием английского языка. Был мобилизован на эту миссию и ассистент Б. Простая работа подслушивания, высматривания и ежедневных доносов его возмущала, оскорбляла и унижала. Вечером, усталый и депрессивный он приходил в мою лабораторию, я обычно был уже один, и просил стакан спирта. После этого он говорил много лишнего. Я хорошо знал его ещё студентом, мы были друзьями, и он понимал, что я не наивный человек. Вскоре Б. был назначен на пост атташе по сельскому хозяйству в посольстве СССР в Вашингтоне.

Продолжение следует